

Мост между микроэкономикой и макроэкономикой

(о Нобелевской премии по экономике 2015 г.)

Ю.П. ВОРОНОВ, кандидат экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск

В статье описаны результаты исследований профессора Ангуса Дитона, послужившие основанием для присуждения ему Нобелевской премии по экономике. Особое внимание уделено проблемам восстановления связи между микроэкономикой и макроэкономикой. Затронуты также вопросы самооценки благополучия и иностранной помощи.

Ключевые слова: Нобелевская премия по экономике, благополучие, здоровье, неравенство в доходах, рост, иностранная помощь, самооценка

Ни один из специалистов, прогнозировавших решения Нобелевского комитета, не угадал лауреата по экономике в 2015 г. Что же это за «темная лошадка»?

Ангус Дитон, сын шахтера из Йоркшира, в 1967 г. получил степень бакалавра в Кембридже, после чего пару лет поработал в Банке Англии. Вернулся в родной университет, где в 1971 г. закончил магистратуру, а в 1974 г. получил степень доктора философии (PhD). В 1976 г. стал профессором эконометрики Бристольского университета, а в 1983 г. – профессором Принстонского университета, что и оказалось вершиной его карьеры. (Чтобы стать нобелевским лауреатом по экономике, нужно вовремя остановиться, не рваться в академики, менеджеры, директора или президенты. Отвлекает.)

Впрочем, Ангус Дитон всегда занимался общественной деятельностью, он – член Американской академии искусств и наук и Американского философского общества. Он три года был членом исполкома Американской экономической ассоциации, два года – вице-президентом и год – президентом, а также является почётным доктором экономики нескольких университетов Великобритании и Кипра. В первом сообщении из Стокгольма о новой Нобелевской премии А. Дитона назвали шотландским экономистом. И это правильно: он дважды в год публикует в журнале

Королевского экономического общества Великобритании материалы под названием «Письма из Америки». Пишет как шотландец.

А. Дитона заметили в Принстонском университете, когда он опубликовал несколько статей по теме оптимального налогообложения, которую поднял нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц еще в 1972 г. [1–2]. Кстати, А. Дитон работал в «комиссии Стиглица», созданной в 2008 г. президентом Франции Н. Саркози для поиска альтернативных мер экономического прогресса.

И по этой теме, и по многим другим, где у А. Дитона есть интересные результаты (от эффективности хранения сельхозпродукции ради спекуляции ею до имущественного неравенства), у него нет пересечений с аналогичными российскими исследованиями (в России его практически никто даже не цитировал).

В справке Нобелевского комитета отмечаются три достижения А. Дитона, за которые он и был удостоен Нобелевской премии [3].

Первое – новые количественные методы оценки выбора потребительских товаров, основанные на введенной 35 лет назад лауреатом вместе с Джоном Мюльбауэром (John Muellbauer) концепции «Почти идеальной системы спроса» (Almost Ideal Demand (AID) System) [4–6]. Эти методы сейчас интенсивно используются как в исследованиях, так на практике.

Второе достижение состоит в том, что лауреат заложил основы микроэкономической революции в исследованиях потребления и сбережения. Его оригинальный подход привел к разработке методов панельных исследований с повторяющимися перекрестными сравнениями, благодаря которым стало возможным исследование индивидуального потребительского поведения в течение длительного времени без традиционных панельных данных. Лауреат объяснил, почему для лучшего понимания проблем потребления и сбережений исследователи должны с осторожностью подходить к процессу агрегирования данных, тем более что в последнее время открылись новые возможности обработки и агрегирования данных на микроуровне.

Третье достижение А. Дитона состоит в том, что он существенно развил возможности использования результатов обследований домохозяйств в развивающихся странах (в особенности данных о потреблении) для измерения сложившихся жизненных стандартов и уровня нищеты. Он способствовал переходу

от преимущественно теоретических представлений о развитии экономики, базирующихся на агрегированных макроэкономических данных, к выводам, вытекающим из качественных массовых данных на микроуровне. А. Дитон показал значение использования данных о потреблении и потребительских расходах для анализа бедности, а также дефекты сравнения жизненных стандартов в пространстве и времени.

Нобелевский комитет отметил большое практическое значение исследований лауреата: он оказал существенное влияние на выбор экономической политики как в развитых, так и в развивающихся странах. В своих исследованиях А. Дитон интегрирует экономическую теорию с проблемой измерений, используя изощренные статистические методы, объединяет данные макро- и микроэкономики. Поэтому можно сказать, что он – не просто очередной нобелевский лауреат, а человек, который замахнулся на воссоздание единой экономической науки.

Воссоединение макро- и микроэкономики

Границу между микро- и макроэкономикой провел Джон Мейнард Кейнс, превратив их фактически в самостоятельные научные дисциплины. Основу для их воссоединения создала «экономика больших данных», когда возросшие возможности обработки массовой информации на микроуровне позволили переносить полученные выводы на макроэкономический уровень.

Когда многие страны сравниваются между собой по одному интегральному критерию, мир кажется одномерным. Совершенно по-иному он выглядит, если от показателей типа ВВП на душу населения перейти к анализу данных на уровне домохозяйств. А. Дитон разработал серию методик анализа массовых данных о реальных личных доходах и потребительских расходах, длительное время оказывая консультационные услуги Всемирному банку. Но это – что касается практики. В теоретическом плане Ангус Дитон сделал важный шаг на пути к воссоединению микро- и макроэкономики. Помимо экономики больших данных, в этом процессе основную роль сыграла разработка новой теории потребления, что стало первым пунктом в обосновании решения Нобелевского комитета.

В 1930-е годы, когда Дж. М. Кейнс рассматривал эволюцию потребительских расходов на некоторое агрегированное благо, он без особых на то оснований предположил, что люди расходуют одну и ту же долю дохода на определенное благо. Это вызывало большие сомнения, поскольку рост дохода – это всегда изменение структуры потребления. В 1950–1960-е годы анализ агрегированного потребления стал ближе к реальности благодаря введению нобелевским лауреатом 1976 г. Милтоном Фридманом «гипотезы перманентного дохода» (Permanent Income Hypothesis – PIH) и «модели жизненного цикла» (Life-Cycle – LC Model), которая была предложена Франко Модильяни, нобелевским лауреатом 1985 г. Как видим, Нобелевский комитет весьма последователен в своем выборе лучших экономистов мира.

Оба этих нобелевских лауреата объяснили тот эмпирически выявленный факт, что при краткосрочных флуктуациях в доходах уровень сбережений меняется, а при долгосрочных трендах – неизменен, тем, что потребители начинают сберегать краткосрочные повышения дохода, «сглаживая», сохраняя привычный уровень потребления.

В течение 1970-х годов общая позиция экономистов (по непонятным причинам) состояла в том, что не нужно трогать Кейнса, и модели Фридмана и Модильяни хорошо согласуются со статистическими данными. Поэтому они активно использовались в макроэкономических исследованиях. Хотя модели были сформулированы в терминах индивидуального выбора, они оценивались эмпирически по агрегированным данным о потреблении и доходах. В конце 1970-х годов исследованием потребления и сбережения занялись новые поколения исследователей. К сожалению, советские экономисты оказались в стороне, тем более что эти работы базировались на теории рациональных ожиданий, которая в нашей стране присутствовала только в курсах истории экономических учений.

В 1970-е годы Дитон в своих статьях отмечал необходимость еще более масштабных исследований на материале разных стран и других временных периодов, а также, возможно, иных моделей потребительского спроса.

В 1980-е была разработана концепция «Почти идеальной системы спроса», которая позволяла протестировать, является ли

потребительское поведение рациональным, то есть соответствует ли оно агрегированному потреблению в общепринятых моделях. До А. Дитона было принято считать, что агрегированное поведение потребителей естественным образом складывается из ситуаций индивидуального потребительского выбора. Он показал на конкретных материалах, что это не так.

В практическом плане переход в макроэкономических исследованиях к данным микроуровня (опросы и индивидуальные обследования домохозяйств) приводит к рекомендациям о радикальных изменениях в экономической политике. Лауреат-2015 показал, что минимальный доход не может считаться чертой бедности, а сама эта черта не может быть одинаковой для всех стран. Например, при одном и том же подушевом доходе семья, в которой много детей, живет лучше, чем та, в которой детей меньше, поскольку дети потребляют меньше взрослых.

Но даже если в семье нет детей, чем больше домохозяйство, тем оно экономичнее по сравнению с малым при одном и том же уровне душевого дохода. Причина – наличие внутри домохозяйства специфических «общественных благ»: отопление, приготовление пищи и т. д. Поэтому в странах с высоким уровнем рождаемости доход на одного человека искусственно занижается, причем занижение это нелинейное. Поскольку из этого следует, что слаборазвитым странам и регионам нужно помогать меньше, выводы лауреата сразу приобрели популярность у международных организаций, прежде всего, Всемирного банка, а также правительств многих стран. В чем-то эта ситуация напоминает слова из речи Сталина о том, что «некоторые троцкисты при исчислении уровня жизни трудящихся не учитывают дешевизну блюд в заводских столовых».

Вместе с тем есть вполне разумная постановка задачи: как оценить, увеличивается или уменьшается численность бедных в мире, что, по мнению многих, более важно, чем подсчеты динамики мирового ВВП. Численность бедных регулярно рассчитывает Всемирный банк. Данные необходимы для всех институтов, нацеленных на сокращение бедности и нищеты. Да и политики очень любят вставлять цифру о количестве бедных в свои полемические аргументы.

А. Дитон как консультант столько раз критиковал и корректировал методику расчетов численности бедных, что он, как никто другой, имеет право называться ее автором.

Хорошая жизнь, она же благополучие

Такое же отсутствие интереса в российской экономической науке заметно и по отношению к основным достижениям лауреата, касающимся так называемой оценки благополучия. Для этого во всем мире проводят массовые обследования, задавая, например такие вопросы:

- 1) нравятся ли вам ваши каждодневные занятия, или вы ставите цель их изменить (цель);
- 2) есть ли у вас близкие отношения с кем-нибудь и любите ли вы жизнь (социальная сфера);
- 3) хорошо ли вы управляете своими финансами, снижает ли это стресс, повышает ли безопасность (финансы);
- 4) нравится ли вам окружение, в котором живете, чувствуете ли себя в безопасности, гордитесь ли местным сообществом (окружение);
- 5) хорошее ли у вас здоровье, достаточно ли энергии для ежедневных дел (здоровье).

Именно подобные вопросы, называемые самооценкой благополучия (Self-Reported Wellbeing Questions – SWB), служат исходным материалом для исследований нобелевского лауреата по экономике 2015 г. И присуждение ему премии означает, что он – лидер этого направления.

По ответам на эти вопросы можно многое узнать. В частности, когда страны бывшего СССР вошли в мировую экономику, эмоциональное благополучие их населения существенно отличалось от параметров всего мира. Эти различия сгладились, но не исчезли и в последние годы. Более критично в этих странах оценивают свое окружение и здоровье, немного меньше – целеполагание, нет различий в оценке сообщества и любви к жизни. А вот управление собственными финансами оценивается лучше. Последнее, впрочем, объясняется, скорее отсутствием финансов в западном смысле, то есть ценных бумаг в семейном бюджете.

На ответах примерно на такие вопросы базируется и индекс благополучия (Gallup-Healthways Well-Being Index), для которого систематически и регулярно проводится сбор данных о здоровье

и благополучии населения мира в невиданных ранее масштабах. Благодаря ему политики и работодатели могут принимать решения, которые улучшают эти показатели для миллионов людей. Две компании, разработавшие его, Gallup и Healthways, ежедневно измеряют состояние индивидуального и коллективного здоровья и благополучия в США. Организация Гэллага начала ежедневно рассчитывать индекс с января 2008 г. по опросам тысячи американцев. Исследования и расчеты индекса основаны на утвержденном ВОЗ определении здоровья: это «не только отсутствие недомогания или болезни, но также и уровень физического, ментального и социального благополучия (wellbeing)». При расчете индекса благополучия по округам проживания строят регрессию логарифма дохода от образования, пола, возраста, расы, семейного положения и даже роста.

Данный индекс столь же важен, что и индекс Доу-Джонса для экономики в целом. Он ежедневно отображает изменения в благополучии населения.

Первое, что удивляет человека, обращающегося к теме благополучия: откуда взялись логарифмы? Многими исследованиями, в том числе и работами А. Дитона, установлено, что восприятие достатка, здоровья, да и собственной жизни вообще подчинено известному из физиологии закону Вебера-Фехнера, который гласит: «Сила ощущения пропорциональна логарифму интенсивности раздражителя». Иными словами, восприятие собственной бедности или богатства совершенно сопоставимо с восприятием громкости, шума или яркости света.

В одном из исследований А. Дитон и Д. Канеман, проанализировав более 450 тыс. ответов на опросный лист индекса благополучия [7], отметили, что измеренное по результатам опроса эмоциональное благополучие и оценка жизни (по шкале CSAS) связаны с разными признаками¹. Доход и образование сильнее влияют на оценку жизни вообще, а состояние здоровья, ощущение заботы, одиночество и курение в большей степени определяют эмоциональную оценку текущего дня.

В исследованиях автора и его единомышленников определена даже граница доходов, гарантирующих прочный брак (несколько

¹ Шкала CSAS (Cantril's Self-Anchoring Scale) состоит из 11-балльной оценки текущей жизни, от «наихудшей из возможных для вас жизни», соответствующей нулю, до «наилучшей из возможных для вас жизни» (10 баллов).

ниже 75 тыс. долл. в год на семью из четырех человек). Впрочем, эти результаты относятся к США, у нас подобные исследования, несмотря на их практическую пользу, не проводились. По этой причине, видимо, мы не вполне можем оценить и важность результатов подобных исследований для нашей повседневной жизни.

Если вернуться к проблеме воссоединения микро- и макроэкономики, то время от времени в работах А. Дитона и его комментаторов проскальзывает мысль, что придумана новая идея агрегированного товара, который Кейнс не знал как назвать. Товар этот теперь называется счастьем.

Открытия и парадоксы

Эмоциональное благополучие растет как логарифм дохода, но оно не повышается, если пройден уровень 75 тыс. долл. в год (примерно 400 тыс. руб. в месяц)² на семью из четырех человек. Низкий доход усугубляет эмоциональные страдания, связанные с такими бедами, как развод, болезнь и чувство одиночества. При повышении годового дохода от 100 тыс. до 150 тыс. долл. не наступает никаких эмоциональных последствий. И Дитон делает вывод относительно так называемого замещения: когда доход невысок, это заслоняет все остальные проблемы. Когда же доход становится выше, прочие обстоятельства выступают на первый план. На это замещение накладывается принципиальное различие между ответами на два вопроса относительно субъективного благополучия: «Насколько вы удовлетворены собственной жизнью?» и «Были ли вы счастливы именно в эти дни?».

Шкала CSAS соответствует первому вопросу, и средний балл на ней в мире – 6,76 (из 11). В обследование Мирового банка включена 151 страна. США находятся на девятом месте (опережают Скандинавские страны, Канада, Голландия, Швейцария и Новая Зеландия). Американцы более других подвержены стрессу (пятое место из 151 страны).

Эти результаты, в общем-то, были предсказуемы. Но вот неожиданность – в США выше всего оценки собственного благополучия у жителей религиозных штатов, хотя именно там выше преступность, разводы, доля курящих, беременность

² Когда рассказываешь об этом пороге, многие смотрят на тебя глазами Шуры Балаганова, пытающегося ответить на вопрос Бендера: «Шура, сколько тебе нужно для счастья?»

девочек-подростков и распространение венерических заболеваний. По мнению А. Дитона, высокая религиозность есть не причина, а следствие социальных патологий, реакция общества на изначально неадекватную среду.

В лекции «Финансовый кризис и благополучие американцев» он отметил высокую связь между эмоциональным благополучием американцев и динамикой индекса акций S&P500. Это странно, поскольку большинство граждан США за изменениями этого индекса не следят. А. Дитон трактует зависимость так: индекс связан с деловыми новостями, которые средства массовой информации доводят до граждан [8].

Успех порождает неравенство, но не нужно отказываться (choke off) от успеха

Согласно результатам исследования лауреата, неравенство до определенной степени стимулирует экономическое развитие. Когда А. Дитон переехал на работу в США, он особо отметил одну из непривычных особенностей американской жизни – отсутствие интереса к тематике неравенства в доходах, как среди исследователей, так и у широкой публики. Дитон вспоминал, что когда в конце 1970-х он выступал с предложениями об оптимальном налогообложении, он сталкивался с непониманием того, что с помощью налоговой политики государство должно нивелировать неравенство в доходах. А выдающийся американский экономист Артур Окунь даже сказал, что изучать неравенство в доходах – это все равно что смотреть, как растет трава.

Даже в политике тема «жирных котлов» практически не поднималась, несмотря на ее выигрышность. Любые попытки демократов затронуть проблему перераспределения доходов тут же встречались с обвинениями в «разжигании классовой борьбы» со стороны республиканцев. Но все изменилось после 1975 г., когда во время рецессии стала обыгрываться тема огромных доходов топ-менеджеров. Вместо травы вырос «лес до небес». С тех пор эта тема не сходит с повестки дня в американской политике и экономической науке. Президент Обама в 2014 г. назвал неравенство доходов «вызовом нашего времени», повторив высказывания президента Теодора Рузвельта, который полагал, что процветание трестов идет за счет обнищания населения США. Мэр Нью-Йорка Б. де Блазио даже предложил

ввести городской налог на всех, кто зарабатывает более полумиллиона долларов в год, для финансирования в городе начального образования.

И Дитон в этом новом веянии оказался как раз к месту, несмотря на то, что его позиция явно противоречит общей либеральной тенденции. А вот Грэг Мэнкью, один из кандидатов на Нобелевскую премию 2015 г. (его победу прогнозировали многие эксперты), продолжал защищать высокие заработки менеджеров крупных компаний и оказался вне зоны внимания Нобелевского комитета³.

А. Дитон отмечает, что встречается много сравнений с временами цехов и гильдий, причем не только со ссылками на неравенство в доходах [9]. Попал в гильдию топ-менеджеров – стриги купоны! Он приводит в пример Вудро Вильсона, который, будучи президентом (главой попечительского совета) Принстонского университета, стремился сделать его более демократичным, тогда как его предшественник настаивал на том, что Принстон – университет для богатых. И впоследствии, когда В. Вильсон стал президентом США, он провел через Конгресс массу законов против неравенства в доходах. Следствием этой борьбы В. Вильсона против неравенства, по мнению А. Дитона, стало появление Федеральной резервной системы США, существенно ограничившей доходы независимых до того банкиров.

Иностранная помощь

Согласно А. Дитону, иностранная помощь может быть иногда чрезвычайно полезной, например, когда она оказывается детским больницам и спасает детей, без нее обреченных на смерть. Развитые страны расходуют деньги на помощь развивающимся не как акт благотворительности, а потому, что стремятся направить их экономику по пути, который уже прошли сами. Им кажется, что этот путь – наилучший. Однако А. Дитон доказывает, что иностранная помощь не всегда отвечает нуждам развивающихся стран и может им даже навредить [10]. Сравнивая Китай и Индию, практически не получающих такую помощь, с теми, куда она льется потоком, он показывает, что в последних борьба

³ Многие в нашей стране сожалеют, что премия не досталась Мэнкью, в особенности те, кто преподает по его классическому учебнику.

с нищетой идет существенно хуже. Индия и Китай в 1990-е годы получали иностранную помощь в размере всего около 3 долл. на душу населения, а Зимбабве в 2010 г. – 60 долл., что составляет десятую часть ВВП этой страны. Но проку от нее оказалось мало.

Масштабная иностранная помощь влияет на существующие экономические отношения, меняя внутреннюю политику страны в худшую сторону и подрезая институты, необходимые для ускорения долговременного роста. Помощь также негативно влияет на уровень демократии и развитие гражданского общества. Эти неблагоприятные последствия иностранной помощи должны быть сбалансированы с теми возможностями, какие она приносит, будь то улучшение образования или медицины, которое также напрямую не коррелирует с темпами роста.

Оригинальной идеей лауреата может считаться то, что повышение жизненного уровня населения, накопление национального богатства и экономический рост – совершенно разные цели помощи. Это он показывает на статистических данных по рядам, начинающимся с XVIII в. Цель иностранной помощи – стимулирование экономической активности.

Идеи лауреата были восприняты чиновниками международных организаций. За месяц до вручения А. Дитону Нобелевской премии ООН приняла Декларацию о 17 целях устойчивого развития, в число которых входила ликвидация нищеты в течение 15 лет. В рамках достижения этих целей к развитым странам был обращен призыв оказывать больше помощи беднейшим государствам.

А. Дитон раскритиковал эту инициативу, отмечая, что нужно еще согласовать критерии отнесения стран к беднейшим. А внешняя помощь, хотя и помогает избежать наиболее тяжелых катастроф и потерь, но лучший путь для ликвидации нищеты в развивающихся странах – самостоятельное экономическое развитие.

К сожалению, лауреат не затронул одну важную проблему. Отмечая, что иностранная помощь стимулирует коррупцию, он не фиксирует, касается ли это собственно помощи, или же коррупция сопутствует всем формам экономического сотрудничества развитых стран с развивающимися.

Лауреат и Индия

В 1970-е годы Пенсильванским университетом была инициирована Программа международных сравнений (International Comparison Program – ICP), которая в настоящее время курируется и финансируется Всемирным банком, и А. Дитон стал его общепризнанным консультантом. Он полагает, что почти все новое знание относительно бедности, экономического роста и неравенства было получено благодаря этой программе, содержащей огромное количество данных о предприятиях и ценах на сопоставимые товары почти по всем странам мира. Цены свернуты в ценовые индексы по паритету покупательной способности, что позволяет сопоставлять и системы национальных счетов отдельных стран. А. Дитон неоднократно отмечал, что программа объединила большое число экономистов и статистиков, специалистов по строительству и ЖКХ, с каждым из которых интересно работать.

А. Дитон в рамках программы ICP вел исследования по материалам многих стран мира: Южноафриканского союза, Вьетнама, Ганы и даже Республики Берега Слоновой Кости [11]. Но особый интерес он всегда проявлял к Индии, поскольку ее правительство всегда рассматривало проблему измерения бедности как одну из самых важных для внутренней экономической политики. В заявлении Нобелевского комитета особо отмечено, что благодаря лауреату «достигнут существенный прогресс в изучении проблем здоровья детей и взрослых в Индии». А. Дитон выявил, что примерно половина детей в Индии «все еще недоедают» [12, 13].

В настоящее время в Индии отмечаются невиданные темпы экономического роста, но одновременно в течение двух десятилетий происходит снижение исчисляемого в калориях уровня питания на душу населения [14]. Причем на фоне увеличения душевых доходов даже среди бедного населения уровень питания ниже, чем во многих других странах. Взрослые индийцы становятся самыми невысокими в мире, дети также отстают в росте, и на них тратится меньше средств, чем, например, в странах Африки. А. Дитон выдвинул гипотезу, что это связано со снижением доли тяжелого физического труда, для которого было необходимо высокое потребление зерновых. Но индийские

ученые полагают, что это – эффект ожиданий плохих последствий глобализации [15]. Кто прав – предстоит еще выяснить.

Риитика Кхера, прошедшая докторантуру в Принстонском университете под руководством А. Дитона, откликнулась на присуждение Нобелевской премии своему руководителю статьей в одной из центральных газет Индии [16], отметив, что лауреат начал работать над проблемой оценки уровня бедности в Индии еще в 1999 г. Оценки, которые базировались на либеральной доктрине, показывали, что число бедных в стране сокращается, и при либерализации экономики этот процесс ускоряется. Однако изменение способа учета бедности привело к выводу, что бедность действительно сокращается, но либеральные меры этот процесс не ускоряют. В 2009 г. Дитон с соавтором описали ситуацию с питанием в Индии так, что это вызвало возражения двух сформировавшихся тогда в индийской экономической науке лагерей: слева говорили, что Дитон не учитывает бездомных, справа – что рост – плохой показатель благополучия, и индусы генетически запрограммированы на невысокий рост. Дитон с соавторами отбивался на два фронта⁴.

В ходе этого сражения Дитон показал, что способен отделять политическую составляющую от статистических доказательств социальных последствий неравенства в доходах. Он стал известен в Индии не только как квалифицированный экономист, но и как публицист-интеллектуал. А. Дитон последовательно поддерживал правительство Индии в вопросах социальной политики. Не закрывая глаза на проблемы управления в беднейших странах, он показывал, как лучше исчислять результаты этого управления.

По его мнению, «отсутствие государственного участия» по тем основаниям, что часть затрат берут на себя богатые люди в богатых странах, является «одной из важнейших причин бедности и лишений по всему миру». Без интенсивной деятельности государства и его сотрудничества с активными гражданами очень мало шансов на то, что экономический рост будет побеждать всеобщую бедность.

Дитон отмечает, что чрезмерное неравенство может иметь отрицательные последствия для всех, потому что «у очень богатых

⁴ В серии статей в еженедельнике Economic and Political Weekly, который издается в Мумбае, за 2002–2009 гг.

нет потребности в бесплатном государственном образовании или здравоохранении. У них меньше причин поддерживать всеобщее медицинское страхование или беспокоиться о качестве образования в государственных школах...». Это важно, поскольку публичные дебаты последних лет в Индии стали сопровождаться оценками типа «подачки и халява».

Дитон уже завершил свои исследования по Индии, а шлейф ссылок на него остался в продолжающихся дебатах.

Выше ростом – больше доход

Без экономики больших данных не появилась бы еще одна тема исследований лауреата. Рост человека для американской экономической мысли стал знаковым критерием после того, как было статистически доказано, что отмена рабства привела к резкому повышению роста темнокожего населения США. В равной мере мировую экономическую науку (кроме российской) заинтересовало увеличение роста жителей Юго-Восточной Азии в связи с изменением структуры питания.

В исследованиях А. Дитона отмечается, что мужчины ростом выше 177,8 см занимают более высокое положение по шкале CSAS, чем те, рост которых ниже среднего (у женщин эта разница меньше). Каждый сантиметр добавки к росту для женщины означает 1,5% прироста семейного дохода, для мужчин – 1,7%. В среднем у мужчин, которые говорят, что их жизнь «наихудшая из возможных», рост на 2 см ниже среднего, у женщин – на 1,3 см. На удивление те, кто оценивает свою жизнь как наилучшую из возможных, в среднем немного ниже ростом, чем занимающие на этой шкале место на одно или два деления ниже.

Мужчины и женщины более высокого роста с большей вероятностью говорят о счастье и удовлетворенности жизнью, и с меньшей – о печали и страданиях.

Естественно, что для российского читателя проблема связи человеческого роста и доходов выглядит надуманной (хотя, конечно, нельзя отрицать, что рост влияет на многие человеческие качества, относящиеся не столько к физическому состоянию, сколько к психологии).

В одной из своих работ А. Дитон увязал рост с детской смертностью. Получилось, что высокий доход – это элемент естественного отбора, который начинает действовать с рождения [17].

Да и сам рост оказался не столь простым показателем. Во-первых, в разных странах разрыв между ростом мужчин и женщин неодинаков: в Индии он больше, в Африке, Бразилии и Вьетнаме – меньше. Во-вторых, после 20 лет рост уменьшается с возрастом, в той же Индии у мужчин – на полмиллиметра в год [18]. В-третьих, рост тесно связан со структурой питания и со здоровьем вообще. В-четвертых, рост совершенно очевидно зависит от уровня здравоохранения [19]. Наконец, рост жителей Земли в среднем увеличивается. Но связано ли это с повышением благополучия, и если да, то эмоционального или материального? В каждом из исследований А. Дитона – поровну ответов и новых вопросов. В этом он видит постоянное движение науки.

Еще о причинах малоизвестности лауреата

Хотя обычно работы большинства экономистов мира неизвестны людям, далеким от занятий экономической наукой, это не относится к трудам Ангуса Дитона. Правда, в нашей стране он был широко известен лишь в узких кругах (не может остаться неизвестным профессор, который публиковал совместные работы, по крайней мере, с тремя нобелевскими лауреатами по экономике).

На ум приходят несколько мыслей относительно практически полной неизвестности нынешнего нобелевского лауреата в России. Причина здесь не в том, что сама тематика ощущения благополучия у нас не изучается. Нет, давно известна книга по этой теме [20], публикуется много работ [21–23] (чаще на периферии – в Саратове, Челябинске или Чите), выходят учебники [24]. Но занимаются ею психологи, реже социологи и никогда – экономисты. Причина – в жестком разделении наук, при котором не состоялся бы ни Ангус Дитон, ни любой другой нобелевский лауреат по экономике.

Есть один эффективный механизм уничтожения науки. И это отнюдь не ФАНО, это – так называемый паспорт специальности. Если система ученых советов, присуждающих степени, забюрократизирована, то каждый совет, опасаясь нападков сверху, склонен вынести приговор междисциплинарному исследованию («не по той специальности...»), чем одобрить его результаты. И это относится не только к экономистам...

Как тут не вспомнить Козьму Прутков: «Однобокий специалист подобен флюсу». Чем скорее мы от этого флюса избавимся, тем быстрее появится вероятность того, что кто-нибудь из наших экономистов станет вторым российским нобелевским лауреатом. Правда, попутно нужно сделать так, чтобы важнейшим критерием действий российской власти стало вместо ускорения или удвоения ВВП ощущение благополучия у всех.

Когда Ангуса Дитона спросили, что его больше привлекает, экономика или математика, он безоговорочно выбрал экономическую науку. И объяснил, что именно благодаря ей он сорок лет назад встретил в Кембридже свою жену, Анну Кейс. Она не просто жена, но и критик, и коллега, и соавтор, и друг. «Наши личные и профессиональные жизни почти полностью интегрированы, хотя и не всегда удается вечером вместе поужинать».

Литература

1. *Atkinson A. B., Stiglitz J. E.* The Structure of indirect taxation and economic efficiency // *Journal of Public Economics*. – 1972. – Vol. 1. – P. 97–119.
2. *Atkinson A. B., Stiglitz J. E.* Lectures on Public Economics. – London, 1980.
3. Angus Deaton: Consumption, Poverty and Welfare, The Committee for the Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel, Stockholm, 12.10.2015.
4. *Deaton A., Muellbauer J.* An Almost Ideal Demand System // *American Economic Review*. – 1980. – Vol. 70 (3). – P. 312–326.
5. *Deaton A., Muellbauer J.* Economics and Consumer Behavior. – Cambridge UK, 1980.
6. *Deaton A., Muellbauer J.* On Measuring Child Costs: With Applications to Poor Countries // *Journal of Political Economy*. – 1986. – Vol. 94 (4). – P. 720–744.
7. *Kahneman D., Deaton A.* High income improves evaluation of life but not emotional well-being // *PNAS*. – 2010. – Aug.
8. *Deaton A.* The financial crisis and the well-being of Americans. The Hicks Lecture. – Oxford, 2011. – 16 may.
9. Royal Economic Society Newsletter Online. – 2014. № 165. – April. – P. 9–10. URL: <http://www.res.org.uk/view/art1Apr14Corresp.html>
10. *Deaton A.* The Great Escape: Health, Wealth, and the Origins of Inequality. – NY, 2013.

11. *Deaton A.* Saving and Income Smoothing in Cote d'Ivoire // *Journal of African Economies*. – 1993. – Vol. 1. – № 1. – P. 11–23.
12. *Deaton A., Kozel V.* Data and dogma: The great India poverty debate // *World Bank Research Observer*. – 2005. – Vol. 20 (2). – P. 177–199.
13. *Deaton A., Kozel V.* The great Indian poverty debate // New Delhi, Macmillan, 2005.
14. *Deaton A., Subramanian S.* The Demand for Food and Calories // *Journal of Political Economy*. – 1994 – Vol. 104. – № 1. – P. 133–162.
15. *Case A., Deaton A.* Health and wealth among the poor: India and South Africa compared // *American Economic Review (Papers and Proceedings)*. – 2005. – Vol. 95. – P. 229–233.
16. *Khera R.* A Nobel for the idea of well-being // *Hindu*. – 2015. – 17 oct.
17. *Deaton A., Bozzoli C., Quintana-Domeque C.* Child mortality and adult height // *Demography*. – 2007. – Vol. 46. – P. 647–669.
18. *Deaton A.* Height, health, and inequality: the distribution of adult heights in India, Center for Health and Wellbeing, Princeton University, 2008.
19. *Deaton A., Duflo E., Banerjee A.* Wealth, health, and health services in rural Rajasthan // *American Economic Review*. – 2004. – Vol. 94 (2). – P. 326–330.
20. *Аргайл М.* Психология счастья. – СПб., 2003.
21. *Шамионов Р. М.* Психология субъективного благополучия личности. – Саратов, 2004.
22. *Бочарова Е. Е., Тарасова Л. Е.* Субъективное благополучие и социальная активность личности в различных социокультурных условиях // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. – 2012. – № 8 (16). URL: www.sisp.nkras.ru
23. *Селигман М.* Новая позитивная психология. – София, 2006.
24. *Грик Н. А.* Современные теории социального благополучия: Учебное пособие. – М., 2013. – 110 с.